

Вернувшись в главный зал, Старая госпожа Оуян и Маркиз Чжао сели на почетные места, остальные расположились по обеим сторонам. Слуги быстро подали чай. Старый маркиз видел, что Старшая госпожа неторопливо попивает чай, словно ни в чем не бывало, и не говорит ни слова о том, что только что произошло.

Ему не оставалось ничего другого, как заговорить первым:

— Старшая госпожа, Му Эр уже вошел в ваш клан на правах зятя, живущего в доме жены. Не пора ли теперь поступить так, как было оговорено в день сватовства?

Услышав это, Налань повернула голову и бросила взгляд на Чжао Му. Заметив, что на его лице не отразилось ни единой эмоции, она подумала: неужели он уже настолько привык к такому обращению, что просто очерствел? В ее сердце невольно шевельнулся укол жалости.

Старшая госпожа, казалось, напилась вдоволь, поставила чашку и медленно произнесла:

— Маркиз Чжао, в день сватовства хлопотали младшие, я особо не вникала. О чем они договорились с вами в тот день? Будьте добры, повторите.

Маркиз Чжао никак не ожидал, что Старшая госпожа парой фраз полностью открестится от дела. Но при мысли о том, что из императорского дворца каждый день шлют напоминания, ему пришлось бесстыдно заявить:

— В тот день было условлено: стоит лишь Му Эр у войти в ваш дом зятем, как ваш клан ссудит нам пятьдесят тысяч лянов серебра, чтобы помочь моему поместью пережить нынешние трудности.

Едва маркиз умолк, как Чжао Му с грохотом швырнул чашку на чайный столик и холодно фыркнул.

Маркиз Чжао зыркнул на Чжао Му и продолжил:

— Всё из-за того, что его матушка не умела вести хозяйство, да и сам Му Эр был слишком падок на развлечения — вот поместье и оказалось не в силах вовремя расплатиться с долгами. Теперь я могу лишь бесстыдно просить вас: раз уж наши кланы теперь состоят в родстве, проявите милосердие, помогите мне и Му Эр у преодолеть эту напасть.

Слушая лицемерные речи Маркиза Чжао, Налань подумала, что как ни крути, а речь идет всего-навсего о деньгах. И при этом он до сих пор прикрывается именем Чжао Му! Она впервые вила человека столь бесстыдного, и бросила на Чжао Му косой взгляд.

Услышав это, Чжао Му слегка приподнял брови и усмехнулся:

— Отец, за столько лет ты ни капли не изменился. Случись беда — норовишь переложить вину на других. Раньше впереди всегда заступалась моя матушка: используя связи клана Ван, она улаживала все дела одну за другой. А теперь ты перекладываешь всё на старшую хозяйку дома,

на меня. Неужели поместье погрязло в таких долгах лишь потому, что старшая жена не умела вести хозяйство, а я транжирил деньги направо и налево?

Услышав, как сын при всех выворачивает его грязное белье наизнанку, Маркиз Чжао ударил ладонью по столу и взревел:

— Неблагодарный сын! Жена твоя здесь, я берегу твое лицо и говорю лишь, что ты неразумен, но неужели ты думаешь, будто они не знают о тех мерзостях, что ты творишь за пределами дома?

Чжао Му беспечно развел руками:

— Когда мы с Налань только договаривались о свадьбе, она уже знала, что я за человек. Отец, я ведь не ты — так искусно притворяться! Интересно, в каком году из обжигающей печи вышел этот чайник по имени ты, раз умеешь так мастерски притворяться?

— Ты... ты! Ах ты негодный сын, да как ты смеешь пререкаться с родным отцом! — Маркиз Чжао кипел от ярости.

Чжао Синь тут же притворился миротворцем:

— Вторая матушка... то есть, второй братец, раз отец сейчас рассержен, скажи поменьше. Да и к тому же, нельзя же винить отца в том, что ты стал таким, — не то чтобы он совсем тобой не занимался.

Чжао Му насмешливо хмыкнул:

— Хватит тут притворяться кошкой, проливающей слезы над мышью, и строить из себя добродетельного. Разве моя дурная слава — не дело рук вашей матушки и тебя самого? И сегодня я заявляю прямо: за всё, что вы со мной сотворили в прошлом, в будущем я отплачу вам сторицей.

Госпожа Ли и Чжао Синь никак не ожидали, что Чжао Му сегодня сорвет все покровы. Неужели он не боялся, что в поместье Оуян станут смотреть на него с презрением?

Тут Старшая госпожа слегка улыбнулась и неторопливо произвела:

— Маркиз Чжао, сегодня я воистину прозрела. В любом богатом доме случаются свои скелеты в шкафу, но чтобы целая семья сговаривалась и травила ребенка покойной жены — такое я вижу впервые.

Маркиз Чжао услышал это, и у него внутри всё оборвалось. От недавней перепалки с Чжао Му у него гудела голова, и лишь теперь он вспомнил, что денег еще не получил, зато выставил напоказ все тайны своего дома. И надо же было этому негодному сыну за последние два месяца стать таким неуступчивым!

Скрипя сердцем, он произнес:

— Старшая госпожа, у каждого семейства свои заботы. А мальчишка этот, Му Эр, и впрямь не поддается воспитанию... Впрочем, не будем о нем, давайте вернемся к нашему прежнему разговору.

Налань вмешалась:

— Бабушка, если мы не будем упоминать моего мужа, то и нашему дому не придется одалживать им деньги. В конце концов, кроме мужа, они не имеют к нам никакого отношения.

Услышав это, Чжао Му невольно посмотрел на Налань, и в его взгляде читалась безграничная благодарность.

Старшая госпожа улыбнулась:

— Лань-эр права, Маркиз Чжао. Разве мы породнились не благодаря Му Эр? Как же мы можем вести разговор, не упоминая его?

Чжао Му смотрел на бабушку и внучку из клана Оуян, которые по очереди заступались за него, и сердце его переполнялось чувством глубокой благодарности. В прошлой жизни он был сиротой, во всем полагался только на себя, да и после перемещения сюда остался почти таким же сиротой. И вот теперь неожиданно кто-то встал на его защиту — разве мог он не растрогаться?

В памяти всплыли воспоминания прежнего владельца тела — то время, что он провел с матерью, было несомненно самым счастливым и радостным моментом его жизни. Однако в день, когда ему исполнилось семь лет, безжалостная судьба отняла у него абсолютно всё.

Мать прежнего владельца внезапно скончалась от тяжелой болезни. Эта внезапная напасть в одно мгновение лишила его, совсем еще ребенка, человека, на которого можно было опереться, и казалось, весь его мир рухнул в один миг. Нынешняя госпожа Ли приходилась дальней двоюродной сестрой покойной матери прежнего хозяина этого тела. Во время похорон матери прежнего хозяина госпожа Ли умудрилась воспользоваться случаем и пробраться в постель маркиза Чжао, а затем, прикрывшись беременностью, успешно вышла замуж и вошла в поместье хоу. С того самого мгновения, как она переступила порог поместья хоу, для Чжао Му начался настоящий кошмар.

Каждый день Чжао Му сталкивался с тем, что был вечно голоден и одет в лохмотья, но все эти лишения казались сущим пустяком по сравнению с теми издевательствами, которым его подвергала госпожа Ли. Из-за её жестокого обращения у него с самого детства развился глубокий страх перед женщинами, и даже само их приближение вызывало у него отвращение. Кроме Юэ Цин, ни одна служанка не смела к нему приблизиться.

Однако на людях госпожа Ли показывала совершенно другую сторону своей натуры. Она окружала Чжао Му заботой и вниманием, словно он был её собственным родным сыном. Чего

бы ни попросил Чжао Му, она старалась во всём угодить ему и даже сама проявляла заботу о его повседневной жизни и быте.

Однажды, желая разоблачить истинное лицо госпожи Ли, Чжао Му намеренно устроил ей публичное унижение. Он специально стал капризничать за едой, разбросал по всему полу блюда, которые она так тщательно для него готовила, и осыпал госпожу Ли грубыми проклятиями. Но госпожа Ли вовсе не вышла из себя, как того ожидал Чжао Му, — напротив, она сдержала гнев и с наигранным великодушием произнесла: Ребёнок ещё мал и ничего не понимает, со временем мы его всему научим. Такое двуличие заставляло Чжао Му испытывать к ней всё более глубокую и жгучую ненависть. Он не понимал, почему на людях Госпожа Ли изображает из себя любящую мать, а за глаза оказывается столь жестокой. Бедный маленький Чжао Му и ведать не ведал, что на самом деле это был лишь один из её приёмов.

Стоило Чжао Му при посторонних намеренно задеть или обидеть Госпожу Ли, как та покорно сносила все унижения. Но как только чужаки удалялись, она сбрасывала маску и подвергала Чжао Му самым изощренным издевательствам.

Порою она морила мальчика голодом, не давая ему ни крошки целый день напролёт; порою запрещала справлять естественную нужду, из-за чего ему приходилось терпеть до последнего. Хуже того, она запирала Чжао Му в тесной темнице, заставляя часами страдать в крошечной тьме. А однажды она даже заставила его простоять на коленях перед семейным алтарем всю ночь напролёт, отпустив лишь на следующее утро.

Возможно, вы спросите: неужели Маркиз Чжао никак не вмешивался? На самом деле дело было вовсе не в том, что он не хотел вмешиваться — просто покойная мать прежнего владельца этого тела держала его в таком страхе, что он привычно пасовал перед жёнами. Стоило ей скончаться, как в поместье объявилась нежная, ласковая и умеющая вовремя приласкать Госпожу Ли. Маркиз Чжао, разумеется, потерял голову от её чар — откуда у него было время и силы заботиться о сыне от покойной жены? Чжао Му отправили в школу только в десять лет, а причиной всему послужило то, что один из дядей по клану заметил, до чего тот скатился, и, больше не в силах на это смотреть, предложил отправить мальчика учиться.

Однако, переступив порог школы, Чжао Му не исправился. Напротив, его поведение стало ещё более разнузданным. Как выяснилось, за этим стояла Госпожа Ли. Она подговорила сына своих родственников по материнской линии таскать Чжао Му по злачным местам и даже подбивала его на азартные игры.

К счастью, маленький Чжао Му крепко помнил предсмертные слова матери и наотрез отказывался прикасаться к азартным играм. Иначе, учитывая его тогдашнее положение, ещё большой вопрос, смог бы он вообще жениться на Налань.

Впрочем, родственники Госпожи Ли тоже не лыком шиты. Раз Чжао Му не играл в кости, они придумали другой способ — начали водить его по борделям. В конце концов, Чжао Му был на три года старше этого родственника и выглядел рослым, а в таких заведениях, пока платишь деньги, на возраст клиентов никто и не смотрит.

Однако из-за психологической травмы, которую оставила в его душе Госпожа Ли, у Чжао Му развился страх перед женщинами. Тогда этот родственник сообразил привести его в Павильон артистов.

Там Чжао Му и познакомился с артистом по имени Чжан Чу. Ради того, чтобы быть с Чжан Чу, Чжао Му пошёл на всё, не страшась даже открыто идти против Маркиза Чжао. В конце концов Маркиз Чжао потерял терпение и перекрыл ему денежное довольствие.

А в Муянлоу в тот день Чжао Му оказался потому, что отчаянно нуждался в деньгах. Он отправился к Налань занять денег, не задумываясь даже о том, чтобы заложить оставленную матерью охранную грамоту на землю.

В итоге Налань стала жертвой коварного заговора, а Чжао Му кто-то оглушил и подбросил в её комнату. Проведя ту ночь вместе, они и пришли к нынешнему положению дел.

Налань обратила внимание на Чжао Му именно потому, что тот предпочитал общество мужчин — об этом знал весь Город Бяньцзин. Она решила, что таким человеком легко управлять, а потому не опасалась делить с ним ложе. Однако, пообщавшись с ним пару дней, она поняла, что Чжао Му совсем не похож на того, кем его рисуют злые языки.

Вспомнив всё это, Чжао Му покраснел глазами и произнёс:

— Бабушка, я уже вошёл в Поместье Оуян на правах зятя, взятого в дом, и теперь принадлежу роду Оуян. Отныне это Поместье хоу не имеет со мной ничего общего, так что можете не давать мне в долг, если не хотите.

Налань не ожидала, что Чжао Му сидит в стороне молча вовсе не просто так, а размышляет о делах. Впрочем, она считала, что всё, что можно уладить с помощью денег — и вовсе не проблема; загвоздка была лишь в том, как именно эти деньги потратить.

<http://bllate.org/book/21550/2216465>